

СИЛУЭТЫ

А. Луначарский

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

ЖИЗНЬ
ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ
ЛЮДЕЙ

Серия биографий

ОСНОВАНА
В 1933 ГОДУ
М. ГОРЬКИМ

ВЫПУСК 18
(412)

МОСКВА
1965

653

6541₂

А. Луначарский

СИЛУЭТЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЦК ВЛКСМ
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

ГЕОРГИЙ ВАЛЕНТИНОВИЧ ПЛЕХАНОВ

Несколько встреч с Георгием Валентиновичем Плехановым

Личных воспоминаний о Георгии Валентиновиче у меня немного. Я встречался с ним не часто. Встречи эти, правда, не лишены были некоторого значения, и я охотно поделюсь моими воспоминаниями.

В 1893 году я уехал из России в Цюрих, так как мне казалось, что только за границей я смогу приобрести знания необходимого для меня объема и характера. Мои друзья Линдфорс* дали мне рекомендательное письмо к Павлу Борисовичу Аксельроду.

Сам Аксельрод и его семья приняли меня с очаровательным гостеприимством. Я был уже к этому времени более или менее сознательным марксистом и считал себя членом социал-демократической партии (мне было 18 лет, и работать как агитатор и пропагандист я начал еще за два года до отъезда за границу). Все же я чрезвычайно многим обязан Аксельроду в моем социалистическом образовании, и, как ни далеко мы потом разошлись с ним, я с благодарностью числю его среди наиболее повлиявших на меня моих учителей. Аксельрод в то время был преисполнен благоговения и изумления перед Плехановым и говорил о нем с обожанием. Это обожание, присоединяясь к тем блестящим впечатлениям, которые я сам имел о «Наших разногласиях»* и некоторых статьях Плеханова, преисполняло меня каким-то тревожным, почти жутким ожиданием встречи с человеком, которого я, без большой ошибки, считал великим.

Наконец Плеханов приехал из Женевы в Цюрих. Поводом был большой конфликт между польскими социалистами по национальному вопросу. Во главе национально окрашенных социалистов в Цюрихе стоял Иодко. Во главе будущих наших товарищей стояла уже тогда блестящая студентка Цюрихского университета Роза Люксембург. Плеханов должен был высказаться по поводу конфликта. Поезд каким-то образом запоздал, и поэтому первое появление Плеханова обставилось для меня самой судьбой несколько театрально. Уже началось собрание, Иодко уже с полчаса с несколько скучным эмфазом защищал свою точку зрения, когда в зал союза немецких рабочих «Eintracht»¹ вошел Плеханов.

Ведь это было 28 лет тому назад! Плеханову было, вероятно, лет тридцать с небольшим. Это был скорее худой и стройный мужчина в безукоризненном сюртуке, с красивым лицом, которому особую прелесть придавали необычайно блестящие глаза и чрезвычайно большие, своеобразные, густые и косматые брови. Позднее на Штутгартском съезде одна газета говорила о Плеханове: «Eine aristokratische Erscheinung»². И действительно, в самой наружности Плеханова, в его произношении, голосе и во всей его конструкции было что-то коренным образом барское — с ног до головы барин. Это, разумеется, могло бы раздражить пролетарские инстинкты, но если принять во внимание, что этот барин был крайним революционером, другом и пионером рабочего движения, то, наоборот, аристократичность Плеханова казалась трогательной и импонирующей: «Вот какие люди с нами».

Я здесь не хочу заниматься характеристикой Плеханова — это другая задача, — но отмечу мимоходом, что в самой внешности Плеханова и в его манерах было что-то такое, что невольно меня, тогда еще молодого, заставило подумать: должно быть, и Герцен был такой.

¹ Согласие (нем.). — Ред.

² Аристократическая личность (нем.). — Ред.

Плеханов сел за стол Аксельрода, где и я сидел, но мы обменялись только несколькими фразами.

Что касается самого выступления Плеханова, то оно меня несколько разочаровало — может быть, после острой, как бритва, и блестящей, как серебро, речи Розы. Когда прекратились громкие аплодисменты в ответ на ее речь, старик Грейлих *, уже тогда седой, уже тогда похожий на Авраама * (а между тем я и 25 лет после видел его таким же почти энергичным, хотя, увы, вместе с Плехановым уже не принадлежавшим к нашей передовой колонне социализма), — так вот, Грейлих взошел на кафедру и сказал каким-то особенно торжественным тоном: «Сейчас будет говорить товарищ Плеханов. Говорить он будет по-французски. Речь его будет переведена *, но вы, друзья мои, все-таки старайтесь сохранить безусловную тишину и следите со вниманием за его речью».

И это призывавшее к благоговейному молчанию выступление председателя и огромные овации, которыми встретили Георгия Валентиновича, — все это взволновало меня до слез, и я, юноша — так что простительно было — был необычайно горд великим соотечественником. Но, повторяю, сама речь его меня несколько разочаровала.

Плеханов хотел, по политическим соображениям, занять промежуточную позицию. Ему, очевидно, неловко было, как русскому, высказаться против польского национального душка, хотя вместе с тем он был целиком теоретически на стороне Люксембург. Во всяком случае, он с большой честью и с большим изяществом вышел из своей трудной задачи, сыгравши роль многоспытного примирителя *.

Георгий Валентинович остался тогда на несколько дней в Цюрихе, и я, конечно, рискуя даже быть неделикатным, просиживал целые дни у Аксельрода, ловя всякую возможность поговорить с ним.

Возможностей представлялось много. Плеханов разговаривать любил. Я был мальчишка начитанный, неглупый и весьма задорный. Несмотря на свое благоговение перед Плехановым, я петушился и, так сказать, лез в драку, особенно по разным философским

вопросам. Плеханову это нравилось, иногда он шутил со мной, как большая собака со щенком, каким-нибудь неожиданным ударом лапы валил меня на спину, иногда сердился, а иногда весьма серьезно разъяснял.

Плеханов был совершенно несравнимым собеседником по блеску остроумия, по богатству знаний, по легкости, с которой он мог мобилизовать для любой беседы огромное количество духовных сил. Немцы говорят: Geistreich * — богатый духом. Вот именно таким и был Плеханов.

Должен, впрочем, сказать, что мою веру в громадное значение левого реализма, то есть эмпириокритики Авенариуса, Плеханов не поколебал *, и трудно было ему ее критиковать, так как он не дал себе труда познакомиться с философией Авенариуса.

Шутливо иногда он говорил мне: «Давайте лучше поговорим о Канте, если вы уж хотите непременно барахтаться в теории познания, — этот по крайней мере был мужчина». Может быть, Плеханов и мог бы нанести сокрушительный удар [махизму], но он часто попадал то вправо, то влево, как он сам любил говорить: «мимо Сидора в стену».

Зато неизмеримо огромное влияние на меня имели эти беседы, поскольку они в конце концов свернули на великих идеалистов Фихте, Шеллинга и Гегеля.

Я, конечно, уже тогда превосходно знал, какое огромное значение имеет Гегель в истории социализма и насколько невозможно правильное историческое понимание марксистской философии и истории без хорошего знакомства с Гегелем.

Позднее Плеханов укорял меня в одном из наших публичных диспутов за то, что я не проштудировал как следует Гегеля. Я все-таки это довольно тщательно проделал, отчасти благодаря Плеханову, но и без Плеханова я, конечно, почел бы это своим долгом, как человек, готовившийся стать теоретиком социализма. Другое дело — Фихте и Шеллинг. Мне казалось за глаза достаточным знакомство с ними по истории философии, я считал, что это уже совсем превзойденная стадия, и мало интересовался их учением. Пле-

ханов же с неожиданным для меня восторгом отозвался о них. Ни на одну минуту не впадая, конечно, в какую-либо ересь, вроде — «назад к Фихте!», что потом провозгласил Струве, — он, однако, произнес передо мной такой пламенный, глубокий и великодушный дифирамб Фихте и Шеллингу, нарисовал такие монументальные портреты их, как носителей определенных мировоззрений и мироощущений, что я немедленно же побежал оттуда в Цюрихскую национальную библиотеку и погрузился в чтение великих идеалистов, наложивших на все мое мирозерцание, могу сказать больше, на всю мою личность огромную, неизгладимую печать.

Бесконечно жаль, что Плеханов только бегло высказывался по поводу великих идеалистов. Знал он их чрезвычайно основательно, даже до удивительности точно, и мог бы написать книгу о них, конечно, не менее блестящую, чем его книга о материалистических предшественниках марксизма*. Правда, я думаю, что в общем все же несколько базаровскому уму Плеханова его вечные друзья Гольбах и Гельвеций из предшественников марксизма были роднее, чем великие идеалисты. Но глубоко погрешил бы против Плеханова тот, кто подумал бы, что другой мощный корень марксизма им игнорировался.

Георгий Валентинович предложил мне переехать к нему, чтобы продолжить наши беседы; но только уже значительно позднее — может быть, даже приблизительно через год, точно не помню, — я смог приехать в Женеву из Парижа.

Это тоже были счастливые дни. Георгий Валентинович писал в то время свое предисловие к русскому переводу «Манифеста Коммунистической партии» и очень интересовался искусством, я же им интересовался всегда со страстью. И поэтому в этих наших беседах вопрос зависимости надстройки от экономической базы, в особенности в терминах мира искусства, был главным предметом наших разговоров. Я встречался с ним тогда у него в кабинете на Rue de Capdole, а также в пивной Ландольта, где мы, меняя немало кружек пива, проводили иногда несколько часов.

Помню, какое огромное впечатление произвело на меня одно обстоятельство. Плеханов ходил по своему кабинету и что-то мне втолковывал. Вдруг он подошел к шкафу, вынул большой альбом, положил его на стол передо мною и раскрыл. Это были чудесные гравюры Буше, крайне фривольные и, по моим тогдашним суждениям, почти порнографические. Я немедленно высказался в том смысле, что вот это-де типичный показатель распада правящего класса перед революцией.

— Да, — сказал Плеханов, смотря на меня своими блестящими глазами. — Но вы посмотрите, как это превосходно, какой стиль, какая жизнь, какое изящество, какая чувственность.

Я не стану передавать дальнейшей беседы — это значило бы написать целый маленький трактат об искусстве рококо. Я могу сказать только, что важнейшие выводы Гаузенштейна* были более или менее предвосхищены Плехановым, хотя не помню, чтобы он совершенно определенно сказал бы мне, что искусство Буше являлось, в сущности говоря, искусством буржуазным, вылившимся лишь в рамки придворного быта.

Для меня главным образом был удивителен его эстетический дар — его свобода суждения в области искусства. У Плеханова был огромный вкус — как мне кажется, безошибочный. О произведениях искусства, ему не нравившихся, он умел высказываться в двух словах с совершенно убийственной иронией, которая обезоруживала, выбивая у вас шпагу из рук, если вы с ним были не согласны. О произведениях искусства, которые он любил, Плеханов говорил с такой меткостью, а иногда с таким волнением, что уже отсюда становилось понятно, почему Плеханов имеет такие огромные заслуги именно в области истории искусства. Его сравнительно небольшие этюды, обнимающие не так много эпох, стали краеугольными камнями для дальнейшей работы в этом направлении.

Никогда ни из одной книги, ни из одного посещения музея не выносил я так много действительно пи-

тающего и определяющего, как из тогдашних моих бесед с Георгием Валентиновичем.

К сожалению, остальные наши встречи происходили уже при менее благоприятных условиях и на политической почве, где мы встречались более или менее противниками.

В следующий раз встретился я с Плехановым только на Штутгартском конгрессе. Наша большевистская делегация поручила мне официальное представительство в одной из важнейших комиссий Штутгартского конгресса, именно в комиссии по определению взаимоотношений партии и профсоюзов. Плеханов представлял там меньшевиков. Сначала у нас произошел диспут в пределах нашей собственной, русской делегации. Большинство голосов оказалось за нашу точку зрения, колеблющиеся к нам присоединились. Дело шло, конечно, не о какой-либо моей личной победе над Плехановым — Плеханов с огромным блеском защищал свою тезу; но сама теза никуда не годилась. Плеханов настаивал на том, что близкий союз партии и профсоюзов может быть пагубным для партии, что задача профсоюзов — в улучшении положения рабочих в недрах капиталистического строя, а задача партии — разрушение его. В общем он стоял за «независимость». Во главе противоположного направления стоял бельгиец де Брукер*. Де Брукер в то время был очень левый и очень симпатично мыслящий социалист, позднее он сильно свихнулся. Де Брукер стоял на точке зрения необходимости пронизать профессиональное движение социалистическим сознанием неразрывного единства рабочего класса, руководящей роли партии и т. д. В тогдашней атмосфере горячего обсуждения вопроса о всеобщей стачке, как орудии борьбы, все были склонны пересмотреть свои прежние взгляды, все считали, что парламентаризм становится все более недостаточным оружием, что партия без профсоюзов революции не совершит и что на другой день после революции профессиональные союзы должны сыграть капитальную роль в устройстве нового мира и т. д. Поэтому позиция Плеханова, общим международным представителем кото-

рой был Гэд*, была в конце концов отвергнута и комиссией конгресса и самим конгрессом.

В то время в Плеханове меня поразила некоторая черта староверчества. Его ортодоксализм впервые показался мне несколько окостеневшим. Тогда же я подумал, что политика далеко не самая сильная сторона в Плеханове. Впрочем, об этом можно было догадаться по его странным метаниям между обеими большими фракциями нашей партии.

Дальше следует встреча на Стокгольмском съезде. Тут только что упомянутая черта политики Плеханова проявилась со всей яркостью. Плеханов отнюдь не был уверенным меньшевиком на этом съезде — он и здесь хотел сыграть отчасти примиряющую роль, стоял за единство (ведь это был объединительный съезд), утверждал, что в случае дальнейшего роста революции меньшевики не найдут нигде союзников, как только в рядах большевиков, и т. д. Вместе с тем его пугала определенность позиции большевизма. Ему казалось, что большевизм не ортодоксален.

На самом деле главной отличительной чертой между фракциями в то время была политика по отношению к крестьянству.

Схема революции перед меньшевиками была такова: в России происходит буржуазная революция, которая приведет к конституционной монархии, в лучшем случае — к буржуазной республике. Рабочий класс должен поддержать протагонистов этой революции, капиталистов, в то же время отвоевывая у них выгодные позиции для грядущей оппозиции, а в конце концов — и для революции. Между революцией буржуазной и революцией социалистической предполагалась пропасть времени [...].

Между прочим, я должен сказать, что в одной передовой статье в «Новой жизни» я высказался в смысле возможности захвата власти пролетариатом и сохранения тем не менее под его руководством быстро «врастающего» в социализм капитализма. Я тогда рисовал картину чрезвычайно близкую к нынешнему нэпу, но получил нагоняй от Л. Б. Красина, который нашел статью неосторожной и не марксистской.

Большевики, тов. Ленин в первую голову, действительно были осторожны и отнюдь не говорили, что *начнут* с социалистической пролетарской революции; но они считали, что революцию нужно продвинуть как можно дальше, не занимаясь теоретическими гаданиями и предсказаниями, которые вообще были не в духе Владимира Ильича. Практически большевики уверенно шли по правильной дороге. Для устройства плебейской революции — революции по типу Великой французской, но с возможностью продвижения дальше 93-го года — союз с буржуазией никуда не годился; поэтому наша тактика была: разрыв с буржуазией. Но мы отнюдь не хотели изолировать пролетариат. Мы указывали ему на огромную задачу — организовать вокруг него крестьянство, в первую очередь крестьянскую бедноту.

Плеханов этого понять не мог. Обращаясь к Ленину, он говорил ему: «В новизне твоей мне старина слышится!» Какая старина? Эсеровская... Плеханову казалось, что сближение наше с крестьянством заставит нас пойти вместе с эсерами и потерять нашу типичную пролетарскую физиономию.

Не нужно с совершенным легкомыслием относиться к этому непониманию Плеханова — с легкомыслием, которое сводило бы все к узости и заскорузлости плехановской сверхортодоксальности. Разве в нашей Великой революции мы не вынуждены были одно время включить в правительство эсеров, хотя бы то и левых, и разве это было вполне безопасно? Разве мы не радуемся сейчас, что своей мальчишеской политикой левые эсеры произвели сами свое отсечение от правительства? Опасения на счет «омужичения» советской власти, которым поддаются иногда гг. Шляпников и Коллонтай и др. *, неосновательны, но почва, их питающая, каждому ясна. Сейчас даже нельзя с полной уверенностью сказать, как пройдет равнодействующая рабоче-крестьянского правительства, хотя все говорит за правильность предсказания тов. Ленина на партийном съезде, что огромный груз крестьянства, который мы после смычки вынуждены будем нести с собою, замедлит наше движение, но, «тяжкой твердостью своею

его стремление крепя», не заставит его уклониться от прямого направления на коммунизм.

Но все это выяснилось позднее. В то время было ясно одно: рабоче-крестьянская революция есть пролетарская революция, а буржуазно-рабочая революция есть измена рабочему классу. Для нас это было ясно, но не для Плеханова. Я помню, что во время очень кусательной речи Плеханова сидевший рядом со мною Алексинский, тогда «крайний» большевик *, чуть не бросился на него с кулаками, вовремя, однако, подхваченный за фалду отнюдь, впрочем, небестемперamentным тов. Седым *.

Увы! Печальным союзом Алексинского с Плехановым все это должно было позднее кончиться.

Я возражал Плеханову на Стокгольмском съезде. Мое возражение сводилось главным образом к противопоставлению его взгляду взгляда другого ортодокса — Каутского. Это было легко, ибо в то время Каутский в брошюре «Движущая сила русской революции» высказался в нашем духе. Но Плеханов особенно рассердился на то, что на его упрек в бланкизме я сказал, что он имеет о практике активной подготовки и активного руководства революцией представление, почерпнутое, по-видимому, из оперетки «Дочь мадам Анго». В последней реплике по этому поводу Плеханов говорил всяческие сердитые слова.

Опять прошло несколько лет, и мы встретились на Копенгагенском международном конгрессе, уже после того, как надежды на первую русскую революцию были потеряны. На Копенгагенском конгрессе я присутствовал в качестве представителя группы «Вперед» с совещательным голосом, но практически я совершенно сошелся с большевиками и, так сказать, принят был в их среду и даже уполномочен ими представлять их опять-таки в одной из важнейших комиссий: по кооперативам. Здесь произошло то же самое. Плеханов стоял за строжайшее отграничение партии от кооперативов, главным образом боясь прилипчивости «лавочного» кооперативного духа.

Надо сказать, что Плеханов на Копенгагенском конгрессе стоял гораздо ближе к большевикам, чем

к меньшевикам. Насколько я помню, Владимир Ильич не слишком тогда интересовался вопросами о кооперативах, но все же в русской делегации был заслушан мой доклад и возражения Плеханова. Разногласия были приблизительно параллельны тем, которые были между нами в Штутгарте по поводу профсоюзам. В этот раз, однако, Плеханов мало работал по соответствующему вопросу, так что спорить с ним особенно не приходилось.

Зато у нас установились почему-то очень хорошие взаимные личные отношения. Он несколько раз приглашал меня к себе, мы оба вместе уезжали с заседаний домой, и он с удовольствием делился со мною впечатлениями, я сказал бы, главным образом беллетристического характера, о конференции. Плеханов к этому времени уже очень постарел и был болен, болен весьма серьезно, так что мы все за него боялись. Это не мешало тому, чтобы он был по-прежнему блестяще остер, раздавал чудесные характеристики направо и налево, причем заметно было и сильное пристрастие. Любил он главным образом старую гвардию. Особенно тепло и картинно говорил он о Гэде, о тогда уже покойном Лафарге. Заговаривал я с ним и о Ленине. Но тут Плеханов отмалчивался и на мои восторги отвечал не то чтобы уклончиво, скорей даже сочувственно, но неопределенно. Помню я, как во время одной из речей Вандервельде Плеханов сказал мне: «Ну, разве не протоиерей?» И это словечко так в меня запало, что для меня и до сих пор великолепные протоиерейские возгласия и ораторский жар знаменитого бельгийца сливаются воедино. Помню также, как во время речи Бебеля Плеханов поразил меня скульптурной меткостью своего замечания: «Поглядите на старика, совершенно голова Демосфена». В моей памяти выросла сейчас же известная античная статуя Демосфена, и сходство показалось мне действительно разительным.

После Копенгагенского конгресса мне пришлось делать доклад о нем в Женеве, и при этом Плеханов был моим оппонентом. Еще несколько раз устраивались дискуссии, иногда философского характера (по

поводу, например, доклада Деборина), и на них мы с Плехановым встречались. Я ужасно любил дискутировать с Плехановым, признавая всю огромную трудность таких дискуссий, но давать здесь какой бы то ни было отчет об этом не решаюсь, так как, может быть, могу быть односторонним.

После отпадения Плеханова от революции, то есть уклонения его в социал-патриотизм, я с ним ни разу не встречался.

Повторяю, здесь дело идет не о характеристике Плеханова, как человека, мыслителя или политика, а о некотором взносе в литературу о нем из запасов моих личных воспоминаний. Быть может, они окрашены несколько субъективно — иначе человек и писать не может. Пусть с этой субъективной окраской и примет их читатель. Таковую большую фигуру объективно вообще не в силах охватить один человек. Из ряда суждений выяснится в конце концов этот монументальный образ. Но одно могу сказать, часто мы сталкивались с Плехановым враждебно, его печатные отзывы обо мне в большинстве случаев были отрицательными и злыми, и, несмотря на это, у меня сохранилось о Плеханове необычайное, сверкающее воспоминание. Просто приятно бывает подумать об этих полных блеска глазах, об этой изумительной находчивости, об этом величии духа — или, как выражается Ленин, физической силе мозга, — об аристократическом челе великого демократа. Даже самые огромные разногласия, в конце концов приобретающего исторический интерес, скинуты в значительной мере с чаши весов, — блестящие же стороны личности Плеханова останутся навеки.

В русской литературе Плеханов стоит в истории социализма в самом близком соседстве с Герценом, в том созвездии (Каутский, Лафарг, Гэд, Бебель, старый Либкнехт), которое лучисто окружает два основных светила, полубогов Плеханова, о которых он, сильный, умный, острый, гордый, говорил, однако, не иначе, как в тоне ученика, — Маркса и Энгельса.

ГЕОРГИЙ ВАЛЕНТИНОВИЧ ПЛЕХАНОВ

Несколько встреч с Георгием Валентиновичем Плехановым

Очерк написан и впервые опубликован в 1923 г. (в журнале «Под знаменем марксизма», № 5 и 6). Печатается с небольшими сокращениями по сборнику: А. Луначарский, Революционные силуэты.

Та часть этого очерка, где речь идет об отношении Плеханова к классической философии и неопозитивизму, близка к тому, что об этом сказано в воспоминаниях «Из революционного прошлого» (см. Приложения в конце книги).

О Плеханове А. В. Луначарский писал и специально ему посвященные статьи и обращался к характеристике его личности и политических и литературных взглядов в работах на различные темы (в статьях об Ибсене, Л. Толстом, Чернышевском и др.). См. «Памяти Г. В. Плеханова», воспоминания, в журн. «Пламя», 1918, № 7; «Плеханов как идеолог. К 10-летию со дня смерти Г. В. Плеханова», в «Красной газете», 1928, № 14; «Плеханов, как искусствовед и литературный критик» — статью, написанную в 1930 г., но впервые опубликованную посмертно в журн. «Литературный критик», 1935, № 7.

Стр. 110. «Мои друзья Линдфорс...» — известная в то время на Украине семья демократических интеллигентов, близких к социал-демократам; один из членов этой семьи был знаком с украинским писателем М. Коцюбинским.

...Книга В. Г. Плеханова «Наши разногласия», изданная в 1895 г. и содержащая критику народничества, была одним из первых теоретических выступлений русских марксистов. Этот труд был высоко оценен Фр. Энгельсом.

Стр. 112. Генрих Грейлих (1842—1925) — в юности рабочий, позднее — статистик и журналист, один из организаторов Цюрихской секции I Интернационала. Во II Интернационале занял крайне правую оппортунистическую позицию. «...Похожий на Авраама...» — на величественного библейского патриарха.

...«Речь Плеханова... будет переведена» — большинство жителей цюрихского кантона Швейцарии говорит на немецком языке.

...Точное содержание этого спора между Иодко и Р. Люксембург выяснить не удалось. Известно лишь, что Иодко —

он же Авронский (подпольные псевдонимы Витольда Наркевича (1869—1924), одного из создателей Польской партии социалистов (ППС), близкого сотрудника Пилсудского, позднее — министра по иностранным делам в его правительстве) — был ярко выраженным националистом. Р. Люксембург впадала в другую крайность и настаивала на том, чтобы социал-демократия не требовала для Польши независимости, пока эта цель практически недостижима. Ленин настаивал на выдвигании лозунга национальной независимости Польши в числе других определяющих цели и принципы революционных марксистов и отмечал непоследовательность Плеханова в критике Р. Люксембург.

Стр. 113. «Богатый духом» — интересная стилистическая находка Луначарского. Немецкое слово *Geistreich* обычно переводят «умный» или «остроумный». Приближая свой перевод к буквальному, Луначарский освежает и углубляет значение слова.

...«Мою веру в громадное значение... Авенариуса Плеханов не поколебал». — Ленин (см. его книгу «Материализм и эмпириокритицизм») также отмечает, с противоположной точки зрения, недостаточную убедительность критики махизма у Плеханова в его «теории иероглифов».

Стр. 114. Имеется в виду книга Плеханова «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю».

Стр. 115. Вильгельм Гаузенштейн (р. 1882) — известный немецкий историк и теоретик искусства, буржуазный социолог, изучавший марксизм и использовавший некоторые марксистские положения в своей исторической концепции. В 20-х гг. оказал значительное влияние на часть марксистской художественной критики. Луначарский с большим интересом относился к его сочинениям, но указывал, что в основе взгляды Гаузенштейна немарксистские (см. статью «Вильгельм Гаузенштейн» в книге: А. В. Луначарский, Статьи об искусстве. М., изд-во «Искусство», 1941).

Стр. 116. Луи де Брукер (р. 1870) — до войны 1914 г. бельгийский левый социалист, противник реформизма; под влиянием германского вторжения в Бельгию стал «социал-патриотом», шовинистом, яростным противником коммунизма.

Стр. 117. Жюль Гэд (1845—1922) — основатель и многолетний руководитель марксистской рабочей партии во Франции, сотрудничавший в 1881 г. с Марксом и Энгельсом. В начале

войны 1914 г. поддался шовинистическому угару и стал министром в империалистическом правительстве «национальной обороны».

Стр. 118. *Шляпников и Коллонтай* — в 1920—1921 гг. лидеры так называемой «Рабочей оппозиции». *Коллонтай* с 1923 г. находилась на дипломатической работе.

Стр. 119. *Г. А. Алексинский* (р. 1879) — «крайний большевик», т. е. «впередовец». В 1906—1913 гг. выступал против Ленина, отрицая сочетание легальных методов с нелегальными в революционной борьбе. С 1914 г., т. е. с начала мировой войны, — шовинист, «социал-патриот», затем сотрудник монархической газеты. После Октября — один из вождей черносотенной части белоэмиграции. В 1927 г. готовил в Париже террористический акт против Луначарского. *«Тов. Седой»* — вероятно, *Седов Л.*; *Л. С.*, *Кольцов Д.* — псевдонимы Гинзбурга *Б. А.* (1863—1920), с.-д. меньшевика.

АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ РАДИЩЕВ

Речь, произнесенная на открытии памятника Радищеву в Петрограде 22 сентября 1918 г. Первоначально издана брошюрой (изд. Петроградского Совета, 1918). Перепечатывалась в двух изданиях «Литературных силуэтов».

Стр. 122. Цитаты из сочинений и писем Радищева и Пушкина в этой речи *А. В. Луначарский* приводил нанзусть, не всегда с дословной точностью.

...Радищева обучали преподаватели Московского университета, но студентом Московского университета он не был.

Стр. 125. Павел I повелел освободить Радищева и разрешить ему поселиться в Калужской губернии в ноябре 1796 г., но до места ссылки приказ дошел лишь в конце января 1797 г.

КОММУНИСТЫ И ГЕРЦЕН

Впервые статья напечатана в однодневной газете памяти *А. И. Герцена* «Колокол», Пб., 1920 (см. также *А. В. Луначарский*, *Литературные силуэты*, изд. 2-е, 1925).

Первую статью о Герцене *А. В. Луначарский* написал в 1912 г. («Памяти Герцена»), а в 1920 г. произнес о нем

речь на заседании ВЦИК (эти статья и речь объединены в одну статью в сборнике «Литературные силуэты»), прочел в 1924 г. лекцию «*А. И. Герцен и люди сороковых годов*» (опубликована посмертно в журнале «Литературный критик», 1937, № 4 и в книге: *А. В. Луначарский*, *Статьи о литературе*, М., 1957).

Стр. 128. «*Натуралистический*» — здесь значит «естественнонаучный».

ПУШКИН И НЕКРАСОВ

Статья к столетию со дня рождения *Н. А. Некрасова*. Впервые напечатана в «Известиях ВЦИК», № 273 за 1921 г. Позднее — в сборнике «Литературные силуэты».

Стр. 133. «...*Серия больших юбилеев, которая наступила сейчас...*» — Имеется в виду празднование в 1921 г. столетия со дня рождения *Ф. М. Достоевского*, *Н. А. Некрасова* и *А. Ф. Писемского*.

...*Речь о Достоевском* в связи со столетием со дня рождения писателя была напечатана в журнале «Красная новь», 1921, № 4, позднее включена в сборник: *А. Луначарский*, *Литературные силуэты*.

НИКОЛАЙ АЛЕКСЕЕВИЧ НЕКРАСОВ

Впервые напечатано в журнале «Коммунистический Интернационал», № 19 за 1921 г., позднее — в сборнике «Литературные силуэты», изд. 1-е и 2-е.

Кроме двух статей, помещенных в настоящей книге, см. статью Луначарского «*Некрасов и место поэта в жизни*» (1928).

Стр. 139. *Важнейшие статьи А. В. Луначарского о Л. Толстом*: «Смерть Толстого и молодая Европа» (1911), «О Толстом» (1911), «Лики Толстого» (1913), «Отзывы о фильме «Поликушка» (1922), «Толстой и Маркс» (1924), «Ромен Роллан и Л. Толстой» (1926), «О творчестве Толстого» (1927), «О Льве Толстом» (1928), «Предстоящее чествование Л. Толстого» (1928), «По поводу юбилейного издания сочинений Толстого» (1928), «К юбилею Л. Н. Толстого» (1928), «Чернышевский и Толстой» (1928), «Ленин о Толстом» (1928), «О значении юбилея Толсто-

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие. <i>И. Сац</i>	5
Владимир Ильич Ленин	17
Ленин	32
Ленин и молодежь	57
Ленин и искусство	83
Яков Михайлович Свердлов	90
Моисей Соломонович Урицкий	96
Товарищ Володарский	102
Георгий Валентинович Плеханов	110
Александр Николаевич Радищев	122
Коммунисты и Герцен	128
Пушкин и Некрасов	131
Николай Алексеевич Некрасов	138
Александр Сергеевич Пушкин	150
Об Александре Николаевиче Островском и по поводу его	157
В. Я. Брюсов	172
Гоголь	186
А. С. Грибоедов	196
В. Г. Короленко	216
Максим Горький	229
Романы Н. Г. Чернышевского	245
Гейне-мыслитель	268
Гёте и его время	285
Барух Спиноза и буржуазия	306

Станиславский, театр и революция	336
А. С. Серафимович	354
Путь Рихарда Вагнера	369
Н. А. Римский-Корсаков	384
Гоголиана	399
Фрэнсис Бэкон	414
Приложения	424
Воспоминания из революционного прошлого	424
Большевики в 1905 году	469
Идеология накануне Октября	481
Примечания	495

31-107282

ОЭ 1965 г.
АКТ № 3414